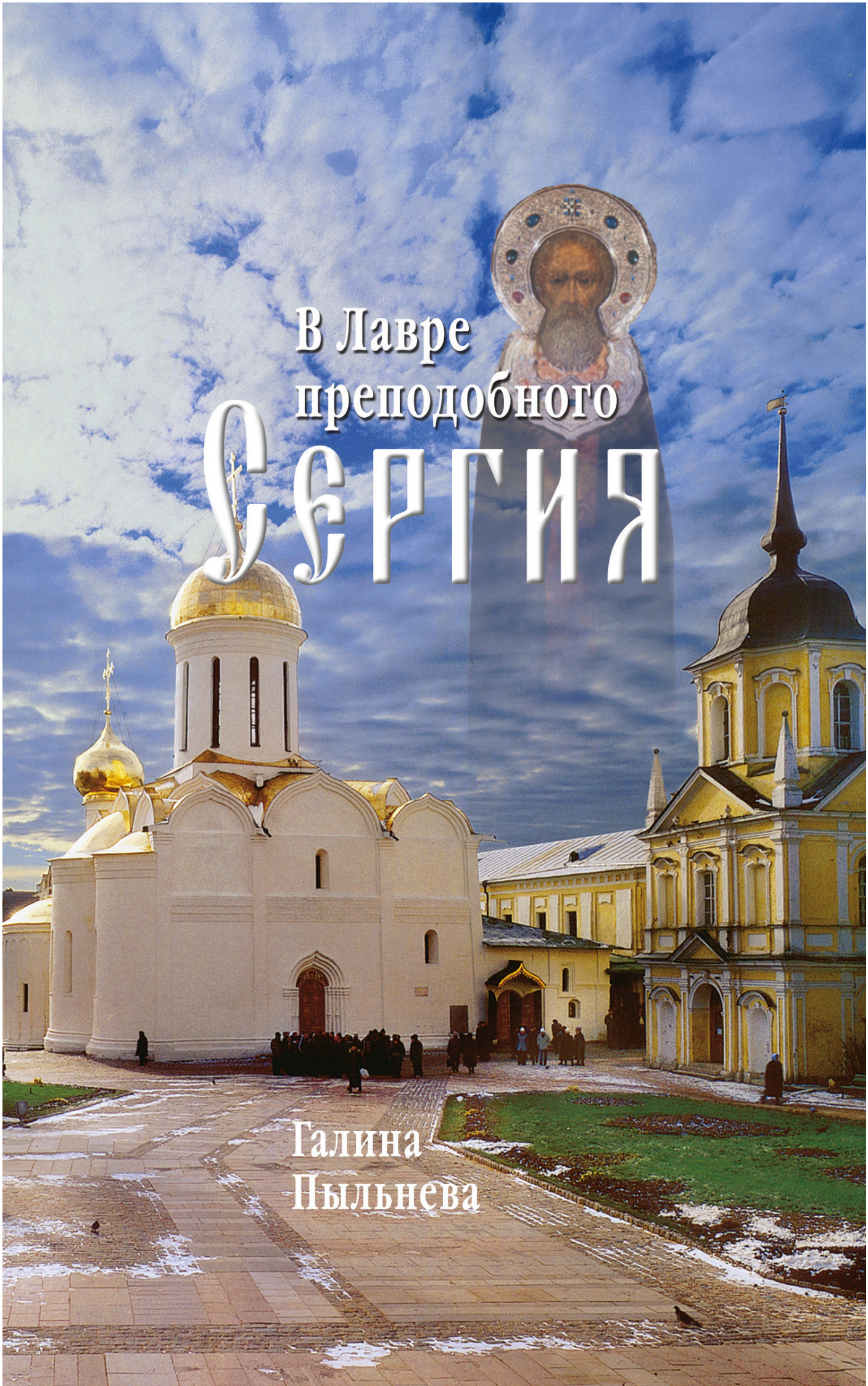


В Лавре преподобного Сергия

Галина Пыльнева

Галина Пыльнева

В Лавре преподобного Сергия. Из дневника (1946–1996)

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2006

УДК 27-29
ББК 86.372

Пыльнева Г. А.

В Лавре преподобного Сергия. Из дневника (1946–1996) / Г. А. Пыльнева — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2006

ISBN 5-7789-0195-X

Галина Александровна Пыльнева известна православному читателю как автор и составитель полюбившихся многим книг. Среди них – «Глинская мозаика. Воспоминания паломников о Глинской пустыни (1942–61)», «Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии», «Весна постная», «Христос Воскресе!», «Всемилостивая», «Толкование на паремии», «Их молитва была услышана», «Чудо исповеди».Вниманию читателя предлагаются фрагменты дневников Галины Александровны, которая вот уже более пятидесяти лет собирает свои впечатления и воспоминания о посещениях Лавры преподобного Сергия.

УДК 27-29
ББК 86.372

ISBN 5-7789-0195-X

© Пыльнева Г. А., 2006
© Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви, 2006

Содержание

От автора 6
Часть I. Первые впечатления 7
Первое знакомство с образом преподобного Сергия 7
Проси Преподобного! 8
Об открытии Лавры 9
О мощах преподобного Сергия 14
О звоне 16
Монах 27
Лунной ночью 30
О некоторых монахах Лавры первых лет ее становления 31
Связь времен 36
Вечерний акафист 39
Сибирские напевы 42
Зеленый огонек 43
Пасхальный благовест 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Галина Пыльнева
В Лавре преподобного Сергия. Из дневника (1946-1996)

© Пыльнева Г. А., 2006
© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006

От автора

Спустя полвека со времени возвращения жизни в затихшие соборы и храмы Троице-Сергиевой Лавры хотелось собрать все свои записи, относящиеся к посещениям любимой с детства обители преподобного Сергия, и некоторые из них, во избежание повторений, включить в этот сборник. Он составлен почти полностью из личных заметок, за исключением воспоминаний одного из первых послушников Лавры, впоследствии архиепископа[1], отца Сергия Боскина и Н. М. Любимова. Они дополняют скудные знания составителя о самом первом периоде жизни Лавры.

При всей ограниченности этих дневниковых записей хотелось все-таки собрать их вместе с единственной целью – попытаться хоть как-то выразить невыразимое: огромную сердечную **благодарность** Господу, Промыслителю спасения каждого, и преподобному авве Сергию за то, что **есть на свете Лавра Троицкая** и есть возможность каждому желающему прикоснуться к чуду. Чудо это заключается в том, что в Лавре самое удивительное и драгоценное – это **участие**, хотя и незримое, в жизни каждого, кто тянется душой к Преподобному, – **самого Преподобного**. Все остальное, неизбежно сопровождающее всех нас, грехом ослабленных, не так важно. Главное – не проглядеть, не пропустить без внимания живой образ преподобного нашего аввы Сергия Великого.

Если трепетно и благоговейно молиться в Лавре со всем усердием, на которое кто способен, то нельзя не согласиться, что нет на свете уголка лучше обители Сергиевой. Ощутить это легче тому, кто не отягчен житейскими привязанностями, кто может не распылять внимание на все второстепенное, постороннее, кто ищет не своего, а Божиего, кому место свято уже потому, что молитвами Святого строилось и посещением Богоматери благословлено было.

Богу нашему слава и Угоднику Его достойное величание!

[1] Имеется в виду Михей (Хархаров; 1921–2005), архиепископ Ярославский и Ростовский. Прибыл в Лавру к моменту ее открытия, но в августе 1946 отправился вместе с ее первым настоятелем, епископом Гурием (Егоровым), в Ташкентскую епархию. В 1947 рукоположен в сан иеродиакона, в 1949 – в сан иеромонаха. В 1951 окончил МДС. В 1955–1956 входил в число братии Глинской пустыни. Священническое служение проходил в Ташкентской, Саратовской, Днепропетровской, Минской и Ярославской епархиях. Архиерейская хиротония в 1993. С 1995 в сане архиепископа. С 2002 на покое.

Часть I. Первые впечатления

Первое знакомство с образом преподобного Сергия

В далекие детские годы, еще до начала Отечественной войны (значит, до моих пяти лет), как-то бабушка взялась перебирать свое «добро» в большом сундуке. Может, он был и не таким уж большим, но мне казался огромным. Бабушка запирала его на замок, чтобы ребятишки не забрались из любопытства и не потревожили ее ценности. Бабушка время от времени просушивала вещи, хранившиеся в сундуке. Убедившись в том, что ничего интересного там нет и пахнет нафталином, мы потеряли к нему всякий интерес. Возможно, и о сундуке я бы не вспомнила, если бы не одна находка. Разбирать бабушкино «богатство» помогала ее дочка – моя тетушка. Они среди всего хозяйства нашли образок преподобного Сергия, обгоревший и поцарапанный. Тетушка, имея меня в виду, сказала бабушке: «Ты его ей береги. Пойдет в школу – пригодится». Наверное, этот момент и был первым указанием на преподобного Сергия.

Вскоре началась война. Мы перебрались из Подмосковья в столицу. Москва встретила нас страшной картиной разорения: затемнением, холодом, длинными очередями, карточками, слезами и страхом. Вместе с самым необходимым мы взяли и этот образок. Уважение взрослых как-то передалось, обратило внимание, вошло в сознание еще до понимания того, кто это и почему пригодится.

Немного позднее, ближе к моим семи годам, попался лохматый сборник, где кто-то неумело соединил все, что было под руками: отрывки из житий святых, молитвы, описания святых обителей. Если вспомнить, что в эти годы – в начале 40-х, когда шла война и главное, после усердного истребления всего, что могло напомнить о «пережитках прошлого», – почти ничего из духовной литературы у знакомых найти было нельзя, то и такой самодельный сборник был богатством, которое берегли, передавали из рук в руки с опасением, иногда и недоверием, всегда с тревогой.

Из этого сборника что-то удалось извлечь и о Троице-Сергиевой Лавре. Ясно стало одно: она где-то близко! Само описание не тронуло из-за обилия цифр: столько-то метров высота, столько-то стоило строительство и тому подобное.

Проси Преподобного!

Как ***вера от слышания***[2], так и особое чувство близости может быть от общения с тем, кому такое чувство хорошо знакомо. Нам посчастливилось еще в первые послевоенные годы побывать у старца Иннокентия[3]. До разорения монастырей он жил в Зосимовой пустыни, сравнительно недалеко от Лавры Преподобного. Видимо, образ преподобного Сергия был ему близок и дорог. Не помню, чтобы он рассказывал что-то о Преподобном. Кажется, о нем мы читали где-то до этого. Главное – какие-то самые краткие, но существенные сведения о Преподобном дошли до нас в раннем детстве. У старца же часто звучало: «Проси Преподобного!». Тогда меня удивило то, **как** это было сказано! Столько было в этом доверия, близости. От старца мы узнали и об открытии Лавры после войны. Как он радовался! Его отношение к Преподобному невольно заставляло без раздумий принимать все, что связано с именем Преподобного. Естественно, там же мы получили благословение съездить к Преподобному. Мне было тогда десять лет, одну бы не пустили в неведомые края, а старшим было недосуг. Еще и еще не раз слышали мы: «Съездите к Преподобному!». Эта настойчивость и побудила оставить все дела и выбраться наконец-то в только что пробуждающуюся к жизни Лавру. С тех пор все дальнейшее, все лучшее, самое желанное и заветное, связано благодарной памятью с Лаврой как с местом чуда, где Преподобный всероссийский игумен незримо действует по сей день, направляя каждого ко спасению.

---

[2] Рим. 10, 17. – *Ред.*

[3] Иннокентий (Орешкин; 1870–1947), иеросхимонах. В Зосимовой пустыни нес послушание заведующего гостиницей для паломников, помогал преподобному иеросхимонаху Алексию (Соловьеву) в окормлении паствы. Ученик схиигумена Германа (Гомзина) Зосимовского. После закрытия монастыря жил под Москвой, окормляя монахинь закрывшегося Алексеевского монастыря. Иногда посещал богослужения московского Высоко-Петровского монастыря, где подвизалась зосимовская братия. Сам почти не служил, имея очень слабое зрение, но исповедовал – в основном монахинь. В 1934–1937 находился в ссылке в Оренбурге. По возвращении жил на подмосковной станции Сходня, где и скончался 10 марта 1947. См. о нем: *Пыльнева Г. А.* Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М., 1998.

Об открытии Лавры

В детстве о подробностях открытия Лавры мне мало что удавалось услышать, а позже в письме одного из первых послушников (впоследствии архиепископа Ярославского) получила довольно подробные и интересные сведения. Переписываю целиком.

Из письма архиепископа Михея

«В 1945 году Патриарх Алексий[4] из Ташкента вызвал архимандрита Гурия[5], которого знал по Ленинграду, и за восемь месяцев до открытия Лавры назначил его наместником. А пока он был назначен в Ильинскую церковь г. Загорска[6] почетным настоятелем. Отец Гурий стал служить каждое воскресенье утром, а вечером в воскресенье – акафист преподобному Сергию и обязательно проводил беседу. Служил он и во все большие праздничные дни, и часто в малые праздники и неизменно проповедовал. Служение и проповедь отца Гурия так расположили к нему народ, что верующие приезжали на его службы из Москвы и из других мест. Каждый вторник отец Гурий ездил на прием к Патриарху. В 1946 году на Страстную Седмицу во Вторник он также явился к Патриарху и тот сообщил ему, что на следующий день передадут ему ключи от Успенского лаврского собора и нужно, чтобы на Пасху уже была служба.

В Великий Четверг после литургии отец Гурий в Ильинском храме объявил, что открывается Лавра, и просил всех, кто может, прийти помочь прибрать храм, приготовить его к службе. Лавру закрыли в 1920 году. Можно себе представить, сколько пыли, грязи накопилось в закрытом соборе за 26 лет. Мы вошли в собор. Стекла в барабанах выбиты, на полу снег, лед. И конечно, неимоверный холод. Собор не отапливался, да и Пасха тогда была ранняя. В соборе стояла карета Елизаветы Петровны, на паперти – чучело медведя… Впрочем, работники музея вскоре все лишнее убрали. Благодаря тому что отца Гурия знали и уважали многие прихожане Ильинского храма, на его призыв откликнулись. Пришли в собор с ведрами, тряпками, стали протирать, чистить иконостас, паникадила, мыть полы. Престол в соборе из кирпича сложен, он был разоблачен. Надо срочно шить одежды на престол и жертвенник. Ольга Павловна (дочь отца Павла Флоренского[7]) взялась пошить облачение, верхнее и нижнее, на престол и

---

[4] Алексий I (Симанский; 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси в 1945–1970. Учился в Лазаревской гимназии института восточных языков, в Николаевском лицее, на юридическом факультете Московского университета (окончил за три года). В 1913 архиерейская хиротония. В 1922–1925 в ссылке. С 1926 архиепископ. Затем служил в гренадерском Самогитском полку. Окончил МДА, на II курсе которой, в 1902 году, принял монашество, иеродиаконство и в 1903 – иерейский сан. Кандидат богословия. В 1913 хиротонисан во епископа. С 1926 архиепископ и член Синода. С 1932 митрополит. В 1944–1945 патриарший местоблюститель. Избран Патриархом на Поместном соборе открытым голосованием единогласно. Похоронен под Успенским собором ТСЛ в храме Всех святых, в земле Российской просиявших.

[5] Гурий (Егоров; 1891–1965), архимандрит. Окончил Петровское коммерческое училище в Петербурге, Санкт-Петербургскую ДА (кандидат богословия), в 1915 принял монашество и вскоре был посвящен в сан иеромонаха. С 1917 насельник (казначей) Александро-Невской Лавры, с 1922 архимандрит, с 1925 настоятель Лаврской киновии и заведующий Богословско-пастырским училищем. Первый наместник возрожденной Лавры (1945 – август 1946). С 1946 епископ Ташкентский и Среднеазиатский. С 1952 архиепископ. С 1959 митрополит. Скончался в 1965 в сане митрополита Симферопольского и Крымского.

[6] Загорск. Город Сергиев Посад в 1930–1991 годах носил название Загорск (в честь коммуниста В. М. Загорского). Автор книги, рассказывая о своих поездках в Лавру, не всегда следует хронологии, упоминая оба названия города. В этих местах мы сохранили авторскую редакцию текста.

[7] Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, профессор МДА, ученый, религиозный философ, богослов. Постоянно служил в домовом храме во имя равноапостольной Марии Магдалины Сергиево-Посадской общины сестер милосердия Красного Креста. В 1918–1920 хранитель Ризницы и ученый секретарь Комиссии по охране памятников искусства и старины ТСЛ. // В сочинении «Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи» разрабатывал учение о Софии (Премудрости Божией) как основе осмысленности и целостности мироздания. В работах 1920-х годов стремился к построению «конкретной метафизики» (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии культа и иконы, математики, экспериментальной и теоретической физики и др.). Репрессирован, погиб в Соловецком лагере особого назначения; реабилитирован посмертно.

жертвенник. Патриарх дал парчу, а остальной материал пожертвовали верующие. Из ризницы музея выдали Плащаницу, сосуды, облачения, кадила, напрестольное Евангелие, кресты. Кое-что дал Патриарх, часть необходимой утвари – Ильинский храм. Патриарх назначил временно для служения в помощь отцу Гурию архимандрита Илариона[8] (он был на Афоне, и во время имяславской смуты в 1913 году его вернули в Россию. Он поселился в Москве, был назначен настоятелем Страстного монастыря. Позже он служил в селе Виноградово, на станции Долгопрудной, в храме Владимирской иконы Божией Матери вместе со своим братом, целебатным священником). Вторым священником был игумен Даниил, диаконом – иеродиакон Иннокентий[9], обладавший громким и красивым голосом.

Еп. Гурий (Егоров; † митр. Симферопольский). Первый наместник возрожденной Лавры, 1947 г.

[8] Иларион (Удодов; 1863–1951), схиархимандрит. В течение 20 лет подвизался на Афоне, неся послушание кузнеца. Затем оказался в России и из-за революции уже не смог вернуться на Святую Гору. С 1936 до своей кончины был настоятелем подмосковного храма в честь Владимирской иконы Божией Матери в с. Виноградово, где и погребен. В 1946 при открытии Лавры схиархимандрит Иларион приехал по поручению Святейшего Патриарха Алексия I для передачи главы преподобного Сергия, которая в 1920–1946 тайно хранилась отдельно от святых мощей из-за опасения уничтожения мощей большевиками. См. примеч. № 15.

[9] Иннокентий (Коляда; 1905–1982), иеродиакон. С 1923 послушник на Подворье Валаамского монастыря в Москве. В 1925 пострижен в монашество, в 1926 рукоположен во иеродиакона. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации был в братстве ТСЛ. В 1953 рукоположен в иеромонаха и проходил пастырское служение в Тульской епархии. В 1957–1962 регент и солист хора Троицкого собора Александро-Невской Лавры, затем в братстве Псково-Печерского монастыря до 1971. До 1978 служил на приходах Владимирской и Архангельской епархий. С 1978 за штатом.

В Великий Четверг вечером уже служили утреню с чтением 12-ти Евангелий, а в Великую Пятницу днем был вынос Плащаницы и вечером – Чин погребения и все последующие службы. И вот некоторые чудесные детали (для несведущего человека многое ускользает от внимания): нужен хор, нужны люди, которых можно поставить за ящик, нужны свечи, просфоры, нужны люди, которые бы пекли просфоры, убирали храм. Поистине чудо, что за один день все смогли организовать! В Ильинской церкви был любительский хор, которым руководил Сергей Михайлович Боскин[10]. Сам он в юные годы был послушником в Зосимовой пустыни. Он хорошо знал традиции и напевы Сергиевой Лавры. Его хор из любителей и стал первым лаврским хором. Незадолго до открытия к отцу Гурию пришла женщина и принесла канцелярскую папку. Она сказала, что у нее после закрытия Лавры жил последний наместник архимандрит Кронид[11]. Он дал ей эту папку на хранение, сказав: “Передай ее следующему наместнику”. Отец Гурий открыл ее. Там был антиминс Успенского собора[12].

Во время войны ураганом снесло главный крест с Успенского собора. Еще до открытия Лавры музей отреставрировал крест. И вот накануне подъема креста пришел к отцу Гурию старший рабочий Баринов и сказал: “Я человек старый, помню, с каким торжеством в прежнее время ставили крест наверху храма, совершали молебствие. Вы освятите мне иконочку и дайте, я вделаю ее в крест”. Отец Гурий совершил чин поставления креста перед малой иконкой преподобного Сергия, освятил ее и отдал Баринову, который вделал ее в середину креста, и таким образом Успенский собор был увенчан освященным крестом. В другое время пришел к отцу Гурию некий Константин Иванович[13] и сказал: “Я – последний в Лавре звонил перед ее закрытием, разрешите мне и начать звон”. Так и звонарь нашелся.

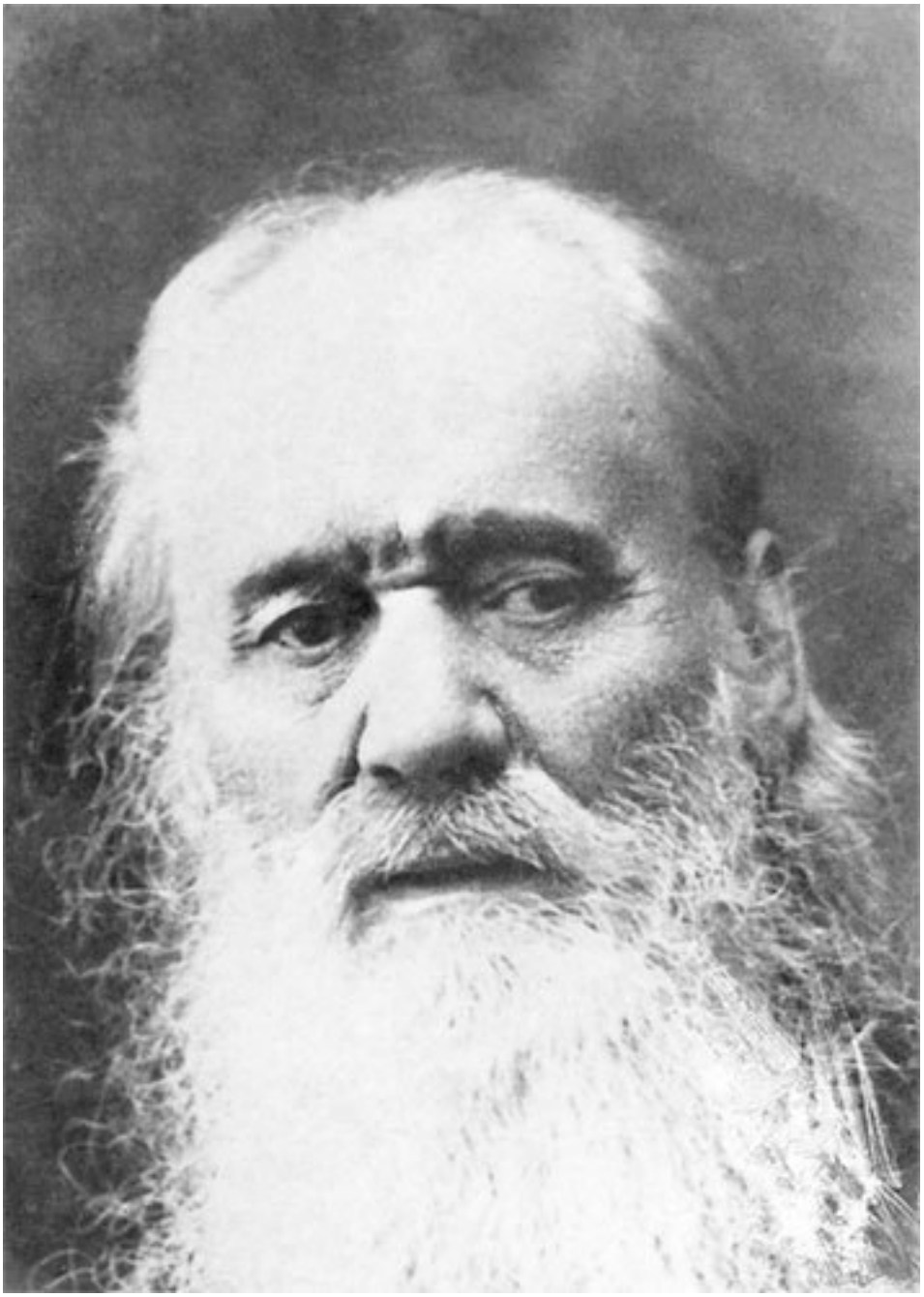
---

[10] Боскин Сергей Михайлович. Художник; регентовал и читал на первых службах открытой Лавры. Впоследствии протодиакон. Автор воспоминаний о Лавре. См. примеч. № 20.

[11] Кронид (Любимов; 1858–1937; память 27 ноября /10 декабря), архимандрит, преподобномученик. Наместник Лавры в 1915–1919. После ее закрытия был оставлен как староста охраны до 26 января 1920. В 1920–1922 жил в с. Братовщина у старосты храма, в 1922–1926 – в Гефсиманском скиту, в 1926–1929 – в Параклитском скиту, в 1929–1937 – у Кокуевского кладбища. Расстрелян в Бутово. Причислен к лику новомучеников Российских в 2000.

[12] По воспоминаниям С. М. Боскина, также бывшего очевидцем и участником всех описываемых событий, антиминс Успенского собора, сохраненный архимандритом Кронидом, передал отцу Гурию Т. Т. Пелих – будущий протоиерей Тихон (1895–1983), который, проживая в Загорске, был духовно близок к преподобномученику Крониду.

[13] Константин Иванович Родионов родился в Ростове Великом, с юности учился звонить на колокольнях Ростова и ТСЛ.



Прмч. архим. Кронид (Любимов); последние годы жизни

Жила тогда в Загорске схиигумения Мария[14]. Ее послушницы взялись печь просфоры, артосы, хлебцы. Отец Гурий жил тогда у церковного старосты Ильинской церкви Ильи Васи-

[14] Мария (ок. 1880–1961), схиигумения. В возрасте 16 лет поступила в женский монастырь. В мантию пострижена в 1900 году с именем Арсения во Владимирском монастыре г. Вольска Саратовской губ., где затем была настоятельницей. После октябрьского переворота вместе с несколькими сестрами-послушницами проживала в г. Загорске в небольшом домике. Матушка имела много духовных чад, которые часто приезжали в Загорск, обращаясь к ней за помощью и советом. Ее домик становился приютом для разогнанных из обителей монахинь. Многие отмечали прозорливость матушки и вместе с тем – необычайную простоту и детскую наивность. За советом к ней обращались не только миряне (в том числе и верующая интеллигенция), но и священники, среди которых были и катакомбные, в частности архимандрит Серафим (Батюгов), протоиерей Петр Шипков. О ней см.: *Досифея (Вержбловская), мон.* О матушке Марии // *Василевская В. Я.* Катакомбы XX века. Воспоминания. М., 2001. С. 279–306; *Басин И. В.* Схиигуменья Мария и подпольный женский монастырь // Cristian!ox. Рига, 1998. Вып. 7.

льевича. Он очень помог Лавре на первых порах свечами, гарным[15] маслом, кадильным углем, ладаном, обеспечил необходимыми рабочими и материалом. В то время все очень трудно было достать. За свечным ящиком поставили Ивана Сергеевича Булычева, верующего человека, сопровождавшего схиархимандрита Илариона. В алтаре прислуживать стали Игорь и я. Храм убирали верующие загорчане».

[15] Гарное масло – так в просторечии называли лампадное масло.

О мощах преподобного Сергия

Из письма архиепископа Михея

«В 1916 году в газетах было опубликовано сообщение о пожаре в Троице-Сергиевой Лавре, во время которого сгорели мощи преподобного Сергия. Дело было так: до 1916 года мощи были нетленными. Их обкладывали ватой, которую раздавали верующим в благословение. Случилось так, что гробовой иеромонах (тот, которому благословлялось стоять у мощей преподобного Сергия и служить молебны) не заметил, как в раку попала искра от свечи. Уходя на обед, он закрыл крышку раки. Искра при малом доступе воздуха тлела в вате, и вата потихоньку загоралась. Когда иеромонах вернулся, открыл крышку, вата вспыхнула и тут же все загорелось. Остались лишь кости. Это было промыслительным попущением.

В 1918 году декретом Ленина была организована комиссия по обследованию и изъятию мощей. Очевидцы рассказывали, что комиссия, обследовавшая мощи преподобного Сергия, установила несоответствие черепа скелету. Они принадлежали разным людям. Агитаторы на площади кричали об обмане монахов, выставляя этот факт. Мощи преподобного Сергия не раз вывозили в Москву, выставляли в Трапезной церкви, где был устроен клуб, где пели и плясали, веселились, как и везде в клубах. Перед войной мощи Преподобного снова поместили в его раку в Троицком соборе.

В Великую Субботу 1946 года мощи преподобного Сергия были переданы во вновь открывшуюся Лавру. Весть об открытии Лавры молниеносно облетела все окрестные места. Из Москвы и окрестностей поехали верующие в таком количестве, что каждый день огромный Успенский собор на Страстной был более чем полон.

Когда сообщили о том, что можно взять мощи и перенести в Успенский собор из Троицкого, который оставался еще в ведении музея, прекратили доступ народа с куличами и пасхами в Лавру. Их направляли в Ильинскую церковь. Милиция закрыла ворота. Казалось, что всех удалили с территории Лавры. Народ насторожился, куда-то попрятались многие. Отец Гурий и с ним все духовенство, взяв десять человек рабочих, отправились в Троицкий собор за мощами. Переносить решено было вместе с ракой (ее пожертвовал Иоанн Грозный, и весит она 60 пудов, потому и потребовались рабочие). Отец Гурий прислал Игоря взять епитрахили для священнослужителей. Иван Сергеевич и я оставались в соборе. И вот из Троицкого собора показалось шествие: шли рабочие, несшие раку, диаконы и священники. Иван Сергеевич зажег охапку свечей. И только показалось это шествие, как вдруг из закоулков хлынул народ. Милиция не смогла удержать напора, и вскоре вся площадь наполнилась народом. Иван Сергеевич и я стали охапками раздавать свечи, и народ мощно запел: *“Ублажаем тя, преподобне отче наш Сергие…”*. С этим пением среди моря горящих свечей внесли раку с мощами Преподобного в Успенский собор, отслужили сразу же молебен Преподобному. Собор наполнился народом. Раку поставили справа – на ступеньки у южной стены собора. Духовенство разошлось, и мне пришлось для порядка встать у раки вместо гробового иеромонаха. При предаче мощей оказалось, что были оторваны петли у крышки, одной совсем не было. Назначенный в помощь отцу Гурию отец Иларион был прекрасным мастером по металлу. Он своими руками сделал петли для раки. Впоследствии Патриарх пожертвовал для сени малиновую парчу с золотом и две художественные колонки от Царских врат XVII века, из которых была первоначально устроена сень у правой колонны впереди, затем ее перенесли на правый клирос.

Через некоторое время отец Иларион говорит отцу Гурию:

– Отец Гурий, а ведь подлинный череп преподобного Сергия хранится в моем храме в Сергиевом приделе под престолом.

– Как так?

Отец Иларион рассказал, что в 1918 году перед приходом комиссии череп был подменен[16], подлинный череп преподобного Сергия передан был в его храм для хранения. Храм этот никогда не закрывался. Отец Гурий доложил Патриарху, который дал новую схиму и благословил подлинный череп преподобного Сергия водрузить на место в раку, а подложный захоронить. Так и сделали во время переоблачения святых мощей».

[16] «…Череп был подменен…». Подробно об этом см.: *Андроник (Трубачев), игумен.* Судьба главы преподобного Сергия // ЖМП. 2001. № 4. С. 33–53. «Одновременно с тем, как Святейший Патриарх Тихон и сотни верующих православных общин Сергиева Посада вели неравную борьбу с государством за сохранение мощей преподобного Сергия, священник Павел Флоренский и граф Юрий Александрович Олсуфьев по благословению Патриарха Тихона тайно от всех сокрыли честную главу Преподобного» (там же, с. 33). В храме с. Виноградова глава Преподобного хранилась в 1941–1945. В 1920–1941 и в 1945–1946 – в других тайниках.

О звоне

Из письма архиепископа Михея

«В Лавре до революции был большой колокол в 4 тысячи пудов, который называли Царь-колокол. Звон его был слышен за 25 километров. Перед войной его сняли. Был устроен большой деревянный настил, по которому хотели колокол спустить, но настил не выдержал. Колокол упал, разбил паперть колокольни и ушел в землю. Его извлекали по частям (резали автогеном). Поменьше колокол – в 1850 пудов – Годунов (по имени жертвователя) – тоже переплавили. Третий – Корноухий – в 1275 пудов был пожертвован Борисом Годуновым (при отливке у него не вышло одно “ухо”, отсюда и такое название). Его тоже сняли на металл. Уцелевший Лебедок пожертвован тем же Борисом Годуновым, весит 625 пудов. Назван так из-за мелодичности звона. В составе сплава много серебра, что и придает исключительную нежность звуку[17]. Этот колокол считали полиелейным, то есть звонили в него к полиелейным службам.

Колокольня оставалась в ведении музея. Кроме Лебедка, было еще тринадцать часовых колоколов (внутри у них были языки, а снаружи молотки отбивали часы). Совет по делам религии разрешил звонить. Когда дали ключи для осмотра колокольни, ночью двое рабочих подтянули язык у Лебедка, провисший от долгого висения без употребления. Он был подвешен на сыромятном ремне. И вот дирекция музея не разрешает звонить на том основании, что “вы разобьете колокол”. Удар колокола должен приходиться в место утолщения, а язык провис. Отец Гурий уговаривал их и уверял, что сделает все, как нужно, а директор уперся. Только перед самой заутреней была получена телеграмма из Патриархии, что вопрос согласован и разрешается звонить. И вот через 26 лет вновь раздался могучий звон с лаврской колокольни. Когда мы вышли с крестным ходом из собора – вся площадь была сплошной массой огоньков, морем огня. И шествие началось под торжественный прекрасный трезвон. Константин Иванович оказался очень искусным звонарем. Ему досталась честь начать звон, законченный им же. Нас всех охватило такое волнение, что многие плакали. Говорят, что и неверующие жители Загорска выходили на улицу слушать звон.

[17] «В составе сплава много серебра, что и придает исключительную нежность звуку». Здесь распространенная ошибка: давно существует заблуждение, что, чем больше серебра в составе колокольной бронзы, тем лучший звук издает колокол. Все научные исследования показывают прямо противоположную зависимость: наличие серебра сильно ухудшает звук колокола. См., например: *Ярешко А. С.* Тайны колокольного голоса // Колокольные звоны России. М., 1992. С. 30–38. См. также: ниже, примеч. № 101.

Над святыми вратами Лавры таблички с надписями «Бани» и «Государственная сберегательная касса»; после 1918 г.

«Дом культуры» – чертоги (здание МДА)

Затем встал вопрос о братии. Одни по назначению, другие, прослышав об открытии Лавры, сами просили принять их в число братии. Постепенно собралось несколько человек. На территории Лавры (а она принадлежала городу) в Певческом корпусе была куплена одна квартира, где устроили трапезную. Первоначально братия жила по квартирам в городе.

В Лавре отец Гурий пробыл наместником 4 месяца, и 25 августа 1946 года его хиротонисали во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. С ним поехали и мы (Игорь и я) – первые послушники Лавры.

В первые же дни устраивались паломничества из московских храмов. Помню такую паломническую поездку из Елоховского собора. Заранее объявлялось в храме о поездке в Загорск. Специально нанималась электричка, и целый поезд собирался одних паломников во главе с отцом Николаем Колчицким[18]. На вокзале все собрались: отец Николай с иконой в руках впереди, за ним прихожане рядами. Всю дорогу пели. Когда вошли в Успенский собор – сразу собор переполнился людьми. Отец Николай служил Божественную литургию, молебен Преподобному, сказал слово, затем приветствие отцу наместнику, на которое тот ответил. Такая же паломническая поездка была из Николо-Кузнецкого храма во главе с отцом Александром Смирновым, затем из Тарасова во главе с отцом Михаилом Зерновым (впоследствии владыкой Киприаном)[19]».

[18] Колчицкий Николай Федорович (1890–1961), протопресвитер. С 1941 управляющий делами МП, ближайший сотрудник Патриархов Сергия и Алексия I. После того как отец Николай собрал чуть ли не целый поезд паломников в Лавру преподобного Сергия, ему «дали понять», что этого больше делать не надо…

[19] Киприан (Зернов; 1911–1987), архиепископ. С 1922 прислуживал звонарем, пономарем, ризничим, чтецом. В 1944 рукоположен в диакона (целибат), затем в священника. С 1948 настоятель храма Всех скорбящих Радость на Большой Ордынке. В 1961 году принял монашеский постриг в Лавре и архиерейскую хиротонию. С 1963 архиепископ. Исполнял множество различных церковных послушаний, ради чего часто выезжал за границу – как в составе церковных делегаций и духовных миссий, так и для настоятельского и архиерейского служения. Скончался в Москве на покое.

Протопресв. Николай Колчицкий

Задачей архимандрита Гурия было поставить Лавру «на ноги». Новым наместником стал архимандрит Иоанн (Разумов)[20]. Это письмо было написано в отпуске архимандритом Михеем (Хархаровым), впоследствии архиепископом Ярославским. Он прислал его 1 сентября 1981 года, откликнувшись на мое желание подробнее узнать об открытии Лавры. Сам он объяснил это так:

«Я уже человек старый, непосредственных участников (владыки Гурия, архимандрита Илариона и др.) нет в живых, другие не знали подробностей, да и не всем владыка Гурий все

[20] Иоанн (Разумов; 1898–1990), архимандрит, второй наместник Лавры (1946–1953). В 1916–1923 послушник Смоленской Зосимовой пустыни; в 1924 переведен в московский Богоявленский монастырь, пострижен в монашество, посвящен в иеродиакона; в 1942 иеромонах, игумен, архимандрит; с 1954 епископ Костромской и Галичский, скончался в сане митрополита (1972) Псковского и Порховского. С 1987 пребывал на покое.

открывал. И вот, боясь, что умру и никому не будет известно то, что нами пережито в тот момент и доподлинно известно, я теперь и не скрываю, а рассказываю своим друзьям и близким».

Для более полного представления о том времени выписываю отдельные штрихи воспоминаний протодиакона Сергия Боскина, написавшего их в 1987 году – к 650-летию Троице-Сергиевой Лавры[21].

Из воспоминаний протодиакона С. Боскина

«Наступил 1920 год. Закрыли Лавру, замерли колокола, и на 26 лет богослужение умолкло.

Оставленные в Лавре при охране музея 40 монахов просили для себя одну из церквей Лавры. Им предложили Пятницкие церкви [так называли две церкви “на Подоле”, то есть у подошвы холма Маковец, за стенами Лавры. Одна – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, другая – в честь Параскевы Пятницы. Сейчас богослужение здесь возобновилось. – *Авт.*]. Там они служили и соборно, были у них и седмичные, хор из 15 монахов. Распорядком в службах, в зависимости от занятости при музее, ведал игумен отец Михей[22]. По праздникам служил настоятель отец Евгений Воронцов[23], иногда сослужил с ним отец Павел Флоренский.

[21] Полностью см.: *Боскин С., протодиакон.* Пасха 1946 года. Открытие Лавры преподобного Сергия // Троицкое слово. ТСЛ, [1990]. № 4. С. 16–30. – *Авт.*

[22] Михей (Владимирский; 1863–4?), игумен. В Лавре нес послушания гробового иеромонаха, ризничего, хранителя митрополичьих покоев, братского духовника. В 1919-1925 остался в «малой Лавре» (так называли братию Пятницкого храма), в 1926–1929 жил в Параклитском скиту, скончался на Родине.

[23] Воронцов Евгений Александрович (1867–1925), протоиерей (целибат), профессор еврейского языка и библейской археологии МДА. После закрытия Лавры и Академии взял на себя пастырский крест: от науки, в которую был погружен, что называется, «с головой», обратился к служению священническому, став настоятелем Пятницкой церкви.

Пятницкие церкви «малая Лавра», 1950-е гг.

К 1926 году оставленные при музее монахи были уволены. В мае 1928 года Пятницкие церкви закрыли. Летом 1927 года были сброшены с лаврской колокольни колокола-великаны (4025, 1800, 1200 пудов)[24].

Наместник Лавры архимандрит Кронид, живший в Параклите[25], по закрытии пустыни в январе 1929 года с беззаветно преданным ему келейником отцом Георгием поселился около Кокуевского кладбища. Отец Георгий был сухорукий, правая рука у него висела как плеть. В церкви Кокуевского кладбища отец Георгий, который был опытным певцом и хорошим тенором, стал псаломщиком. С 1935 года отец Кронид стал быстро слепнуть. Убогих этих старцев в ноябре 1937 года взяли. Через месяц они оба скончались…

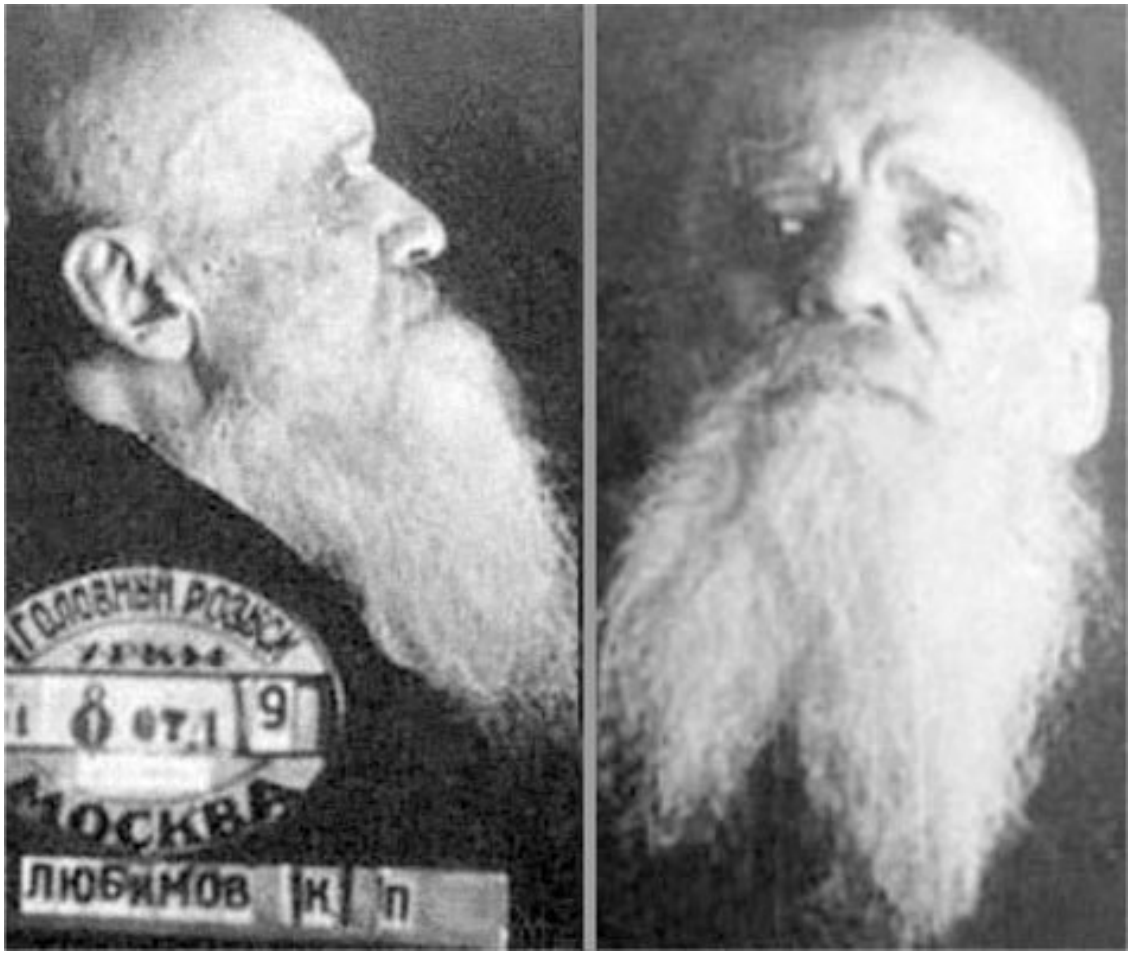
До открытия Лавры отец Кронид не дожил восемь лет. Четыре года не дотянул до этого скончавшийся от голода инок Сергий (Сережа-слепой)[26]. Этот умудренный Богом слепец был

[24] См.: *Пришвин М. М.* Собрание сочинений. Т. 8. Дневники. М., 1988. С. 209–211; *Он же.* Леса к Осударевой дороге: Из дневников 1909–1930 // Наше наследие. 1990. № 1. С. 82–85; *Он же.* Когда били колокола… (Из дневников М. М. Пришвина 1926–1932 гг.) // Троицкий сборник. ТСЛ, 2000. № 1. С. 131–139. (29 декабря 1929 /11 января 1930 сбросили Корноухого и Царь-колокол; 15/28 января 1930 сбросили Годунова). Всего было снято 19 лаврских колоколов весом 8165 пудов.

[25] Параклит – скит, общежительная мужская пустынь, приписанная к ТСЛ, находящаяся в 8 верстах от нее (ныне в пос. Смена). Основана в 1860. Отличалась особо строгим уставом. В настоящее время – одно из 10 подворий ТСЛ; возобновлена монастырская жизнь.

[26] Сережа-слепой, инок. Ослеп в возрасте полутора лет. С семи лет жил в Макарьевском Калязинском монастыре. В 30 лет

в Троицком соборе регентом левого хора, уставщиком, главным звонарем большого праздничного звона, когда звонило одновременно двенадцать звонарей. Из лаврских монахов он был последним тружеником в оставшемся незакрытым Ильинском храме. ‹…›



Прмч. архим. Кронид (Любимов). Фотографии из следственного дела, 1937 г.

В начале января 1945 года в Лавру приехал старец-схимник Иларион. Он и облачил в схимническое одеяние мощи преподобного Сергия, которые поставили на свое место в Троицком соборе [облачение мощей преподобного Сергия и возвращение их в Троицкий собор было разрешено в связи с ожидавшимся приездом английской делегации[27]. – *Авт.*]. До этого рака с мощами находилась посреди Никоновской церкви в качестве экспоната, и ее обходили кругом, глядя через стекло на непокрытые косточки…

Великий Четверг 5/18 апреля… Отец Гурий, отслужив литургию у Илии Пророка, в 12 часов был в соборе [Успенском] и вспомнил о разговоре с А. А. Трушиным – о возможности звона к Светлой заутрени. “Может, и звонить-то нельзя, – говорю отцу Гурию, – надо посмотреть”.

Нашел коменданта музея: мой знакомый, он дал мне ключ от колокольни. Поднялись с отцом Гурием на второй ярус, где висели оставленные колокола. В центре колокол Лебедь – 625 пудов. Хомут из воловьих жил, на котором держится язык, был весь в глубоких трещинах, язык

перешел в ТСЛ по особому приглашению. В 1919-1925 оставался в «малой Лавре». С 1918 прислуживал в церквах Сергиева Посада: в Пятницкой, Петропавловской и Ильинской, где продолжал петь на клиросах. В последние годы зарабатывал себе на пропитание игрой на баяне на разных семейных праздниках и вечеринках. Скончался от голода в Великий пост 1942.

[27] См. об этом: ЖМП. 1982. № 10. С. 19–20. – *Авт.*

оттянулся, отвис книзу, ударные его места – ниже края колокола. У трех трезвонных колоколов нет языков. Нет и трезвонной площадки с лесенкой к ней. Спустившись, стали просить обеспокоенного отца Гурия идти сколько-нибудь отдохнуть до службы чтения 12-ти Евангелий. Один остался под колокольней, на которой в оставшиеся на ней колокола и звонить-то нельзя.

Невдалеке показался Владимир Алексеевич Лошкарев – бригадир ремонта креста и его подъема на купол собора. Подходит ко мне: “Что задумался?” – “Могут разрешить звон, а там – разруха; поднимемся, посмотрим”.

После моего объяснения Владимир Алексеевич, обмерив, что нужно, записал все в блокноте. На хомут для Лебедя нарисовали чертежик. Сочувственно восприняв эту необычную работу, Владимир Алексеевич к субботе обещал все сделать. На мой вопрос, как с ключом от колокольни, он ответил: “Это моя забота”. На колокольне имел комнату надсмотрщик за часами Володя-часовщик, в 1944 году восстановивший эти часы. С 1946 года он в бригаде Лошкарева – его правая рука. ‹…›

Великая Пятница 6/19 апреля. В 9 часов утра встретились с отцом Гурием в Успенском соборе. С ним двое молодых людей, демобилизованные офицеры: Саша – духовный сын отца Гурия из Ташкента, и Игорь – уроженец Загорска, сын прихожан Ильинской церкви, умерших в войну. Знакомя их со мной, отец Гурий говорит: “Вчера нас было двое, а сегодня четверо – вот и братия к открытию Лавры”. Все отправились в ризницу музея. Было дано разрешение получить все необходимое для начала богослужения: два комплекта сосудов, три Евангелия, митру с Радонежскими чудотворцами (впоследствии Патриарх Алексий I служил в этой митре первую службу в Успенском соборе и взял ее себе: эта митра принадлежала ранее митрополиту Московскому Филарету[28], † 1867), Плащаницу, шитую шелками, облачения (черные, белые, пасхальные). Саша с Игорем все уносили в алтарь собора. Электромонтеры проверили необходимое освещение в соборе. ‹…›

В 2 часа дня отец Гурий открыл Царские врата, совершил малое освящение престола в соборе, и по окроплении собора святой водой началась вечерня.

Пришел старец схиархимандрит Иларион (Удодов), вдвоем с отцом Гурием они выносили Плащаницу.

В 6 часов вечера началась утреня по чину Великой Субботы, с обнесением Плащаницы вокруг собора. Служили отец Гурий и отец Иларион.

Вечер Великой Субботы. ‹…› Проталкиваюсь на левый клирос. Старый звонарь со связкой веревок в ожидании; стоящий рядом Владимир Алексеевич докладывает: “Все сделано!”. Наместника нет. По словам отца Гурия, он был на “великосубботнем терзании”. Директор музея только в 10.30 вечера дал ключ от колокольни. О разрешении звона директору было передано из Москвы еще днем. Пробившись через толпу, явился измученный наместник, шепнул мне о трудностях получения ключа. Говорю отцу Гурию: “Там все сделано”, – и представляю

---

[28] Филарет (Дроздов; 1782–1867; память 19 ноября /2 декабря), митрополит Московский и Коломенский, святитель. // Родился в подмосковной Коломне, в семье диакона (впоследствии священника). Поступил в Коломенскую ДС и закончил Троицкую ДС и Академию. В 1808 принял монашеский постриг в Лавре и в 1809 рукоположен в иеромонаха, а в 1811 возведен в сан архимандрита. С 1812 ректор СПбДА. В 1817 хиротонисан во епископа, с 1821 возглавлял Московскую кафедру. Святитель Филарет занимает выдающееся место в истории русского богословия. Его «Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви» до сих пор служит церковным учебником. Основное богословское наследие святителя Филарета содержится в его «Словах и речах», которые проникнуты подлинно святоотеческим духом. Неоценимой заслугой Святителя служит и систематизация церковных наук. Он же стоял во главе перевода Священного Писания на русский язык. Святитель Филарет был великим молитвенником и чудотворцем, горячо любимым не только своей московской, но и всей русской паствой. Несмотря на титул митрополита Московского и Коломенского, в народе Святителя называли природным Патриархом и всероссийским митрополитом. В 1861 Святителю пришлось стать автором манифеста об отмене крепостного права. Последние свои годы святитель Филарет провел в Москве, на Троицком Подворье. Погребение его вылилось во всенародное событие. В годы безбожной власти мощи Святителя, находившиеся в ТСЛ, были вскрыты и поруганы большевиками. Причислен к лику святых в 1994. В 2004 его святые мощи были торжественно перенесены в Московский Кафедральный храм Христа Спасителя.

звонаря. С воодушевлением отец Гурий благословляет упавшего к нему в ноги Костю Родионова начать благовест. Понятен трепет звонаря: когда в 1920 году закрывали Лавру, последний прощальный звон вел он, и вновь начинать ему. С ним пошли мастера-умельцы Владимир Алексеевич Лошкарев и Володя-часовщик.

Со слов Константина Ивановича Родионова: “Открыли и заперли мы дверь за собой. Со свечками стали подниматься на второй ярус, спешили, полагается в 11 ударить, а время около этого. Взошли. Осмотрелся, мне светили свечками: язык у Лебедя – на новом металлическом хомуте на болтах, новый мостик с лесенкой для трезвона. Быстро стал налаживать веревки к колоколам, помощники хорошо мне помогали. И так близко мне вспомнилось, как в 20-м году, отзвонив последний звон, поцеловал Лебедя, – и теперь поцеловал уцелевший Лебедок. Время – 11. Господи, благослови! И, осенив себя крестным знамением, стал раскачивать. И зазвучал наш Лебедок. Передав звон в руки Владимиру Алексеевичу, стал готовиться к трезвону. Объяснил Володе, когда нужно ударять по двум клавишам в колокола северного пролета. (Колокол Переспор – на третьем ярусе в 315 пудов – был подключен к звону на Пасхальной неделе)”.

Находившиеся в алтаре сосредоточенно молились. Незабываемые минуты ожидания. И вот донеслось: первый удар, второй, третий и родной, с детства знакомый звон – звон с лаврской колокольни. Волнение, радость, благодарность, слезы… Не передашь всего…

Отец Гурий на коленях склонился ниц перед святым престолом. Отец Иларион слева от престола, на коленях, воздев руки, со слезами повторял: “Господи, вся Тебе возможна!”.

Торжественно неслись звуки древнего колокола в тиши ночи ранней весны. Город не спал, все слушали. В переполненном соборе все как бы затаили дыхание. Под мелодически-размеренный доносившийся гул – как будто музыка! – с какой легкостью читал я канон полунощницы!

Служащие – архимандрит Гурий, архимандрит Иларион, игумен Алексий, иеродиакон Иннокентий – облачились в пасхальные облачения прежней Лавры, взятые в музее. ‹…›

“Воскресение Твое, Христе Спасе…” – отверзаются Царские врата. Через переполненный народом собор впереди идет хор, за ним Саша и Игорь с запрестольными образами, у меня икона Воскресения Христова, отец Иларион с иконой преподобного Сергия, отец Алексий с Евангелием, отец Гурий с крестом и трехсвечником, отец Иннокентий со свечой. Спускаемся по ступенькам с паперти – начался трезвон “во вся”.

Святейший Патриарх Алексий I. Слева – иерод. Макарий (Васькин). Справа – иерод. Серапион (Фадеев; † митр. Тульский и Белёвский). В глубине алтаря – наместник ТСЛ архим. Пимен (Хмелевский; † архиеп. Саратовский и Вольский)

После 26-летнего онемения в обители преподобного Сергия в пасхальную ночь зазвонили колокола: сразу, неожиданно. Народ, заполнивший под колокольней площадь, стоял с зажженными свечами. Столько было свечей, что на фоне ночного неба колокольня казалась в розовом сиянии. Толпы людей без обращения к ним о порядке сами соблюдали полную тишину, все стояли на месте. Крестный ход свободно обошел собор и вошел на паперть. Началась утреня и первое *“Христос воскресе!”*. В дивном соборе великой Лавры – Пасхальная утреня! Кому-то все не верилось, а больше говорили: “Слава Богу! До какого дня дожили, до каких событий!..” ‹…›

Перед Неделей жен-мироносиц нашла темная тучка: кто-то где-то добился запрещения звона, но только на пять дней. Звон был восстановлен. ‹…›

Первое свое служение в Успенском соборе Патриарх Алексий назначил на Троицын день. В соборе на правом клиросе была устроена временная сень для раки со святыми мощами преподобного Сергия. Перед малой вечерней Святейший сам открыл крышку раки (по внесении святых мощей в собор крышка оставалась закрытой). К Троицыну дню Патриарх благословил организовать мужской хор, что мной и было сделано. Смешанный хор под управлением Плющева Н. Н.[29] стал петь за ранними литургиями под Успенским собором, где по благословению Патриарха отец Гурий освятил престол во имя Всех святых, в земле Российской просиявших.

Своим служением на Троицын день Патриарх Алексий завершил открытие Лавры».

* * *

Продолжаю свои воспоминания, пользуясь весьма отрывочными записями в дневнике давних лет.

[29] Плющев Н. Н. (4 1953). Регент-любитель Ильинского храма г. Загорска.

Лавра оживала. Мощные взрывы, от которых вздрагивала земля, не тронули обители, но «мерзость запустения» успела наложить свою руку. Когда притихшие стены соборов вновь оживились дыханием настоящей монастырской службы, всем стало ясно – начинается возрождение не только обители, но и всей жизни. Ничего, что со стен еще сыпалась отсыревшая штукатурка, шелушился красочный слой, кругом были кучи битого кирпича, всякого мусора… Это все не мешало пробиваться росткам **надежды и радости**.

И все монахи, которые тогда работали вместе с народом, казались проще, доступнее. Всюду мелькали лопаты, ведра, носилки, метлы. Кто-то рассказал о молодом диаконе, еще так недавно с болью смотревшем на старинные кареты в Успенском соборе и мечтавшем здесь послужить. Пришло время – стал служить!

Мы приехали в первый раз в Лавру на праздник Успения Божией Матери. Холод в соборе страшный, за лето он еще не успел отогреться. Народу битком. По солее проходили какие-то знаменитости, о которых охали в толпе. Мое внимание привлекла игумения какого-то монастыря с девочкой-послушницей. Молоденькая, черноглазая, тоненькая, она казалась мне тогда воплощением чистого, беспредельного стремления к Богу.

От первого посещения Лавры осталось смутное воспоминание, но уже следующее, в обычный день летних каникул, принесло ощущение спокойного, мирного и вместе с тем удивительного чуда. В Лавру потянуло! И чем дальше, тем больше. И чувства, что касаешься **чуда**, хватило на 50 лет. Тогда, в детстве, в самом начале второго десятилетия жизни, ездить часто мы не могли. Одну бы меня не пустили, а взрослые выбирались лишь в отпуск.

Уезжали обычно на сутки, с ночевкой. На ночь останавливались у матери Варвары – монахини Хотьковского монастыря, которую наш старец просил принимать нас. Очень серьезная на вид, она сказала: «Раз ваш батюшка благословил, приезжайте в любое время, когда сможете. Вам всегда найдется место, хотя бы и на полу». Мы на большее и не рассчитывали, довольствовались местом на полу головой к образам, перед которыми горела неугасимая лампада. Ждешь, ждешь, бывало, того дня, когда родные скажут: «Пожалуй, надо к Преподобному съездить». С этого момента все в душе замирало от страха: вдруг передумают или что-то случится и помешает. Или вдруг погода испортится… В намеченное утро задолго до подъема пропадал сон. Старшие меня урезонивали: «Рано еще, темно, нельзя идти, спи».

Совсем верилось, что увидим Лавру, лишь тогда, когда в руках оказывался небольшой картонный билет с цифрой 7 (тогда билеты были солиднее, толще). Когда же мы оказывались под сводами храма, время пропадало. Казалось, что служба оканчивается слишком быстро, что не существует надобности в отдыхе, обеде, что вообще ничего на свете не надо, только бы никто не мешал просто постоять в храме, не торопил уходить из Лавры. Почему-то за это всегда стыдили родные (уходить не хотелось до слез, которые предательски выдавали это нежелание). Не хотелось возвращаться в холодный чужой мир. Здесь, у Преподобного, хотя бы на время забывалось про все, сходило удивительное умиротворение, все принималось и со всем можно было мириться на свете, если есть в жизни **Лавра Преподобного**!

Монах

Как-то приехали мы в Лавру уже к вечеру, ко всенощной. Было еще совсем светло. Лето. Вечер обычный, какой-то малый праздник. Народу сравнительно немного. Подробности службы потонули в размышлениях о том, что же самое-самое важное… в монашестве. Знаю, что не одежда, не стены обители. Знаю с детства, что жили и живут монахи и монахини без одежд своих особенных и без стен. И старец наш живет в деревне, одет в такую смесь мирского и монашеского, что и названия одеянию не подберешь. Жаль, что он очень стар, слаб, к нему неудобно приставать. А знать просто необходимо. В это время уже вернули Лавре Трапезную церковь. Мощи Преподобного стояли одно время в Успенском соборе, потом в Трапезной (пока в Троицком был ремонт), потом уже на своем месте в Троицком. Троицкий собор освящал после реставрации совсем еще молодой иеромонах Сергий (Голубцов), впоследствии епископ Старорусский[30]. Так случилось, что в этот момент мы были в Лавре. Но вернусь к ответу на столь волновавший тогда вопрос. Почему они, столько пережившие, живы? Пусть не все выжили, но всегда были и есть молодые души, ищущие того же пути. Помню, что стояли мы тогда в Трапезной церкви справа, у образа Спасителя, написанного в полный рост (где сейчас придел преподобного Серафима). Мелькали черные рясы и мантии. У кого спросить? Мне ясно, что никому я не задам этот вопрос. Взрослые скорее всего просто не поверят, что мне это очень важно, отмахнутся!

[30] Сергий (Голубцов; 1906–1982), иеромонах, впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский. Родился в Сергиевом Посаде. В 1920-х годах занимался реставрацией икон в мастерских у академика И. Грабаря, одновременно работая в библиотеке Исторического музея. В 1930, будучи студентом III курса Московского университета, выслан на 3 года в Архангельскую обл. В 1941–1946 – на фронте. После демобилизации поступил в МДС. Принимал участие в восстановлении настенной живописи храмов Лавры и Москвы. В братию Лавры принят во время учебы на III курсе МДА (кандидат богословия), которую окончил в 1951 году и был оставлен преподавателем Ветхого Завета, древнееврейского языка и церковной археологии. В Лавре нес послушание духовника и экскурсовода. С 1954 архимандрит. В 1955 хиротонисан во епископа Старорусского, викария Ленинградской епархии, с 1956 управлял Новгородской кафедрой. С 1959 епископ Новгородский и Старорусский. С 1963 архиепископ. После тяжелого инсульта в 1967 ушел на покой и поселился в Лавре, где нес иконописное и клиросное послушания, окормляя своих многочисленных духовных чад. Погребен в ТСЛ.

Архиеп. Сергий (Голубцов); слева – иерод. Рафаил (Берестов)

«Аввушка, помоги понять!» – мысленно обратилась тогда к Преподобному. На минуту что-то отвлекло внимание, потом вдруг мимо не торопясь прошла какая-то фигура. Почему-то потянуло пристально взглянуть на высокого монаха средних лет. Удивило и запомнилось тогда как ответ, никем не высказанный, но ясный предельно: монахом может стать тот, чья душа целиком полюбила Господа, всем существом, без остатка, без исключения – только Господа и до конца дней своих. И все. Теперь не помню, сразу ли улеглись все волнения, кажется, да. Было легко, просто, ясно. Позже вспомнилось, как в Зосимовой пустыни молодой архимандрит (позже – митрополит) Вениамин (Федченков)[31] ответил на вопрос, зачем он пошел в монахи: «По любви к Богу и по удобству спасения».

[31] Вениамин (Федченков; 1880–1961), митрополит. Учился в Тамбовской ДС и СПбДА (кандидат богословия). В 1907

принял монашеский постриг и вскоре получил сан иеродиакона, иеромонаха, архимандрита. Член Поместного собора 1917–1918. В 1919 архиерейская хиротония. Примкнул к Белому движению. С 1920 в эмиграции. Один из «основателей» РПЦ за границей. Преподавал (профессор) в Парижском Православном Богословском институте им. преподобного Сергия Радонежского. В 1930, после разрыва митрополита Евлогия (Георгиевского) с МП, организовал первый приход МП в Париже – Трехсвятительское Подворье. С 1932 в сане архиепископа. С 1933 архиепископ Вениамин временный экзарх МП в Северной Америке. С 1939 митрополит. В 1947 вернулся в Россию. С 1958 находился на покое в Псково-Печерском монастыре, в пещерах которого и был погребен.

Лунной ночью

Там, где теперь пышные георгины или розы на клумбах, где уже выросли высокие ели, под которыми цветут весной ландыши, где четко проложена дорожка между клумбой и елями, в первые годы после открытия Лавры была простая травка (преимущественно спорыш), на которой летом богомольцы располагались отдохнуть на ночь. Так и мы, выбрав бугорок повыше, устроились ночевать в Троицкую субботу. Давно кончилась всенощная. Народу везде битком, все углы заняты. Везде стоят, сидят, лежат. Длинные очереди к Преподобному в Троицкий собор и к источнику в часовне опоясывают и Троицкий, и Успенский соборы. Тихо поют в разных углах. Звуки знакомых молитв то сливаются с говором, то смолкают, то с новой силой, как вздох еще живой богомольной Руси, охватывают чуть ли не всю очередь, отгоняя сон. Лежали мы на земле, теплой, такой родной, старались уснуть, чтобы утром не дремать на службе… и жаль было спать. Небо светлое. Над Трапезной церковью поднимается луна, большая, добродушная. Она касается золота единственной главки, поливая молочным светом стёкла алтаря, отражаясь в них, кое-где бросая лучи и на спящих, углубляя тени. Все кажется лучше на свете, все люди – добрее. Лежать бы и смотреть ни о чем не думая, смотреть на небо, высокое, таинственное, долго-долго. Нет, не совсем без дум. Думать в такую ночь и в таком месте хочется только об одном: о молитве преподобного Аввы нашего. Мы лежим, а он молился. Ночью тихо молился, наверное, до самой зари. Такая молитва приближала мир святых, Ангелов. Такая молитва покрывала мир незримой волной благодати. Люди это чувствовали тогда, при жизни Преподобного. Чувствуют и теперь. Тянутся к месту его молитв. Удивительное чудо – **молитва**! Она незримо меняет даже землю, как бы впитывается стенами и, как тепло дневного солнца, долго еще греет… Веками!

Хорошо сказал о молитве Лермонтов:

…И верится, и плачется,
И так легко, легко…[32]

[32] *Лермонтов М.* Молитва (1839) // Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 291.

О некоторых монахах Лавры первых лет ее становления

Интересные сведения о лаврских насельниках тех далеких лет можно почерпнуть в книге Н. М. Любимова «Неувядаемый цвет»[33].

«Приехав в Лавру впервые и никого еще там не зная, я помолился в Троицком и в ожидании всенощной присел во дворе на лавочке. Первый удар колокола. Смотрю: из Патриарших покоев выходит монах. Молящиеся ринулись к нему, за ними и я подошел к нему под благословение. Подошел – и внутренне ахнул: откуда он? Как мог такой человек уцелеть в годы нероновско-диоклетиановского гонения на Церковь? Сквозь очки на меня смотрели проницательные, участливые и непреклонные глаза. С этого дня я всякий раз, когда бывал в Лавре, ждал его выхода из келии. Я узнал, что это инспектор Духовной Семинарии архимандрит Вениамин (Милов)[34], долго сидевший в концлагерях, во время войны возвращенный, успевший защитить магистерскую диссертацию, ныне занятый писанием диссертации докторской. Зимой 1948-49 годов его снова схватили и отправили в казахстанские лагеря на 8 лет. Наместник не забывал отца Вениамина в беде – посылал к нему верных людей с деньгами и продуктами. А Патриарх сумел-таки вызволить отца Вениамина из лагеря – в эпоху Берии это было событие из ряда вон выходящее. Некоторое время магистр богословия служил псаломщиком в православной церкви в Джамбуле, затем, уже после смерти Сталина, был возвращен в Лавру. Его посвятили в архиереи.

[33] Отрывки из нее печатал журнал «Москва». 1993. № 6. Выписываю оттуда. – *Авт.*

[34] Вениамин (Милов; 1887–1955), епископ. Родился в Оренбурге в семье священника кафедрального собора. Окончил Вятскую ДС, затем год отучился в Казанской ДА (1915). После службы в армии и работы в военкомате в марте 1920 прибыл в московский Данилов монастырь, где принял монашеский постриг. Поступил в МДА, которую успешно окончил за один год (кандидат богословия). В 1920-х годах жил и управлял Покровским монастырем в сане архимандрита. В 1929 арестован: Бутырка, Соловки и др. С 1946 в Лавре; преподавал патрологию в МДАиС. В 1948 магистр. Доцент МДА (кафедра Пастырского богословия). В 1949 вновь репрессирован, освобожден в 1954, служил в Ильинском храме г. Серпухова. В 1955 рукоположен во епископа Саратовского и Балашовского.

Архим. Вениамин (Милов; † еп. Саратовский и Балашовский)

Иером. Никон (Преображенский), еп. Сергий и мон. Сергия (Голубцовы), конец 1950-х гг.

Отец Никон, в миру Сергей Петрович Преображенский[35], сын физика, приват-доцента Московского университета, сотрудник Московского исторического музея, он не избежал послереволюционной судьбы многих русских интеллигентов – до монастыря успел-таки побывать в ссылке. Он превосходно знал литературу, философию вообще, богословие в частности, живопись и архитектуру, историю вообще и историю Русской Церкви в частности. Он следил за реставрацией Лавры, вечно возился с градусниками, измеряя температуру в храмах, проверял влажность. Когда в Лавру приезжали иностранцы, экскурсии водил этот согбенный, с трудом передвигавший ноги старик. Он был и не от мира сего, и от мира сего, но лишь в том смысле, что он отлично разбирался в людях. Потусторонность его взора была обманчива. Он замечал все, что творилось вокруг. И язык у него был меткий, подчас “земной”, современный, не фарисейский, не пропитанный деревянным маслом.

Как-то я пожаловался ему на грубость одного диакона, из-за которого я даже собирался расстаться с моим любимым московским храмом. На это отец Никон мне ответил:

– Как бы ни был запылен и запаутинен провод, но если электростанция мощная, а лампочка в порядке, то она все равно будет гореть ярко. Так вот, мощная электростанция – это Божия благодать, ваша верующая душа – это лампочка, а священнослужители – это провода. Конечно, они должны быть в порядке, но если даже к кому-нибудь из них и пристанет пыль, грязь, паутина, – не смущайтесь: если вы не утратили веры, лампочка вашей души все равно будет гореть ярко.

Летом 1949 года из Франции в Россию прибыл долго живший там отец Константин. Жил он там еще до революции или эмигрировал после – я, признаться, забыл. Отец Константин поселился в Лавре, принял монашество, а вместе с монашеством новое имя – Стефан[36]. Я и

[35] Никон (Преображенский; 1899–1961), иеромонах. В Лавру прибыл в 1946 из одесского Успенского монастыря, куда его вновь перевели незадолго до кончины по требованию советских властей, недовольных его популярностью в народе. О нем см.: *Тихон (Агриков), архимандрит.* У Троицы окрыленные. Воспоминания. Ч. 3: 1960–1965. [Сергиев Посад], 2002. С. 29–47.

[36] Вероятно, речь идет об отце Стефане (Светозарском). Впоследствии – архимандрит.

сейчас вижу его горящие глаза, слышу его спокойный, задумчивый голос. Он умел одним словом, одной фразой приласкать и обрадовать человека. Вхожу однажды в Троицкий собор. У мощей служит молебен отец Стефан: *“О ненавидящих и обидящих нас…”*. Поет хорик – в большинстве своем не постоянных прихожан, местных жителей, а пришедших или приехавших богомольцев, среди них – мужичок, подтягивающий приятным баском. По окончании молебна отец Стефан обращается к нему: “Хорошо ведете свою партию. Сразу видно, что с детства певали в церквах”. Мужичок сияет. Мы притерпелись к кнуту и к матерной брани, а от ласкового поощрения отвыкли давно. Но отец Стефан умеет быть не только благоуветливым. Он замечает, что в стороне шушукаются дамы, шушукаются деликатно, шушукаются, когда уже молебен кончился, но все-таки шушукаются. И вот он взглядывает на них искоса и, обращаясь совсем не к ним, а к обступившей его толпе, вдруг ни с того ни с сего начинает рассказывать, как во Франции ему довелось побывать в обители траппистов – строгих молчальников – и какая это все-таки высокая добродетель – молчание, как оно иногда украшает человека. Шушукавшиеся дамы прислушались, сконфузились и умолкли.

Спустя несколько дней вхожу в надкладезную часовню. На середине часовни лицом ко мне стоит отец Стефан, обняв, как самого родного ему человека, деревенскую старуху с тем неподвижным взглядом, который бывает только у слепых. Поодаль стоит еще одна старушка, пободрее слепой и, видимо, помоложе. Я застаю конец беседы отца Стефана и слепой паломницы, но быстро улавливаю, что отец Стефан видит ее первый раз в жизни.

– Я все понимаю, все понимаю, дорогунчик, – говорит отец Стефан. – Великое твое несчастье – слепота. Тут и толковать не об чем. Но Господь посылает тебе в этом испытании помощь и утешение. Ты только подумай, какие у тебя друзья и какое это счастье – иметь их! – отец Стефан указывает на стоящую поодаль старушку. – Вот она потащилась в такую даль, чтобы только проводить тебя в Лавру, потому что тебе захотелось здесь помолиться. А вот я тебе расскажу такой случай. Я ведь долго жил на чужбине, во Франции, только недавно вернулся на Родину. И вот как-то узнаю, что в таком-то французском городе лежит в больнице русская женщина по имени Людмила. Немцы убили ее мужа и сына, а ей переломили спинной хребет. Я поехал к ней. Думаю: застану разбитого и телом и душой человека. Каково же мое изумление: духом тверда, бодра и славит Бога! Я ее спрашиваю:

– Людмилочка! Есть у тебя какое-нибудь желание?

– Как же не быть, батюшка! Совсем без желаний человек жить не может. Я, по правде сказать, завидовала моим подругам по несчастью: их все кто-нибудь да навестит, а я одна да одна. Сегодня мое желание исполнилось: ко мне нежданно-негаданно приехали вы. Теперь у меня осталось еще одно желание: грешница, хочу я выпить настоящего чайку, как мы в России пивали.

– Ну, – говорю, – Людмилочка, это твое желание исполнить легко: чай у меня всегда с собой, я ведь тоже любитель. Как попьешь чайку, так будто в родных краях побываешь.

Но потом я все-таки уехал, и опять Людмила осталась одна-одинешенька, а ты не одна…

Я пристально смотрю на отца Стефана, все еще обнимающего утешенную, просветленную старуху.

В первые годы после открытия Лавры настоящие русские иноки образовывали ее духовное силовое поле. Только войдешь во двор, смотришь: вот один выходит из своей келии, а вон другой – из собора или часовни, и при одном виде знакомых и дорогих лиц твоя душа распрямляется. А тут еще отец Александр[37] зазвонит ко всенощной – тот самый рыжебородый, веснушчатый отец Александр, который в ответ на мою благодарность за целительный звон сказал:

---

[37] Александр (Кумачев; 1885–1963), монах. В Лавру поступил в 1946, нес послушание эконома. Монашеский постриг принял за два года до смерти, тогда же был назначен старшим звонарем Лавры. О нем см.: *Тихон (Агриков), архимандрит.* У Троицы окрыленные. Воспоминания. Ч. 3: 1960–1965. [Сергиев Посад], 2002. С. 166–188.

– Я с малолетства к этому делу приставлен. Мне в Москве Великая княгиня Елисавета Федоровна[38] 10 рублей серебром пожаловала – угодил я ей, стало быть.

Обрадованный, ободренный встречами с наместником и его сподвижниками, овеянный вечерним звоном, входишь в Успенский собор, где, кажется, самый воздух соткан из молитвенных вздохов…».

Этим кончаются вставки в мои дневниковые записи. Дальше будет только то, что Бог дал встретить, пережить и как-то записать, чтобы отдельные штрихи углубляли благодарную память.

[38] Елисавета Феодоровна, Великая княгиня, преподобномученица. Основательница Марфо-Мариинской обители милосердия (1909). // Ночью 5/18 июля 1918, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, ее вместе с другими членами императорского дома бросили в шахту старого рудника. // Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании. В 1992 Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил их к лику святых новомучеников Российских и установил празднование 5/18 июля.

Связь времен

Возвращаясь мысленно к минувшим десятилетиям, когда обстоятельства позволяли бывать в Лавре практически еженедельно, хочется вспомнить о наиболее ярких представителях ее братства. В этом отношении самым заметным, можно сказать, замечательным примером дореволюционного монашества среди братии был отец Иосиф[39]. До закрытия Лавры он жил в Гефсиманском скиту. Все, что могу вспомнить о нем, сказано им самим в проповедях или в «слове» перед исповедью. Высокий, седеющий, стройный, спокойный, даже величественный, он как-то сказал в Трапезном храме, что ему 77 лет. Грамоте научили его в 7 лет. И вот уже 70 лет своей жизни он ежедневно читает Святое Евангелие. И что самое удивительное, ему это не только не надоело, но, читая знакомые строки, он находит в них все более и более глубокий смысл. Сказал он об этом для того, чтобы дать понять: Евангелие открывает каждому человеку так много, как только тот может вместить.

Говорил отец Иосиф просто, спокойно, убедительно уже потому, что все им сказанное было подтверждено его личным опытом. Делился он этим как старший, желающий предупредить, передать лучшее из пережитого, уберечь от возможных ошибок. У него не было (по крайней мере, не заметно было рвущейся к нему толпы) особо выделенных «духовных чад», он ровно, приветливо, доброжелательно относился ко всем, и все, слушая его, были в тот момент ему своими. Кому надо было спросить что-то, могли спокойно задать свой вопрос на исповеди или в то время, когда он шел по территории Лавры. Исповедующимся он предлагал разделиться на тех, кто регулярно ходит в храм и исповедуется довольно часто, и тех, кто давно не был на исповеди и требует себе больше времени. Первых просил пройти вперед, а вторых – пропустить их и подождать. Мы, стайка молодых студенток, шутили: «Ты тоже прошла в числе “иже во святых”?!».

[39] Иосиф (Евсеенок; 1896–4?), архимандрит. До закрытия Лавры подвизался в Гефсиманском скиту, а в 1946 поступил в возрождаемую обитель Преподобного. Штатным иеродиаконом Лавры зарегистрирован в феврале 1948. Скончался по принятии схимы с именем Иосия.

Архим. Иосиф (Евсеенок; † схиархим. Иосия)

Каяться ему было не страшно: он не давил, не подчеркивал пропасть между ним, священником, и тобой, жалким грешником. В его всегда простых словах чувствовалось большое желание помочь освободиться от грехов и одолеть греховные привычки. Кажется, он был одним из первых (если не первым), кому благословили отчитывать бесноватых. Делал он это в храме Всех русских святых, под Успенским собором. Там творилось страшное – шум, всевозможные крики… Мы старались туда не заглядывать.

Незадолго до кончины отец Иосиф принял схиму с именем Иосия. В памяти он остался как живой пример того дореволюционного монашества, на котором можно учиться тому, как вера дает душе ясность, мужество, бодрость и глубокое душевное спокойствие. От его присутствия становилось проще и мирнее на душе, было очевиднее, что заповеди о любви к Богу и людям неразрывны, а исполнение их хотя бы в какой-то мере возможно всем, кто к этому стремится. Теперь, спустя годы, особенно выступает его величие и внутренняя духовная красота, к которой ведет один путь – путь веры и смирения.

Из монахов старшего поколения нельзя не вспомнить отца Серафима[40], прозванного «пушистым». Он, говорили, пришел в Лавру, уже прежде пожив в монастыре, но в каком – не знаю. Никогда не было желания где-то что-то узнавать о насельниках, все они воспринимались как нечто общее – братия Лавры, и если кого-то можно было запомнить, так это тех, кто выходил на исповедь. Имена их узнавались случайно или так и оставались неведомыми. Чем выделялся из всех исповедующих отец Серафим? Во-первых, внешним видом. Его нельзя было спутать ни с кем. Невысокого роста, слегка согбенный, с пушистыми седыми волосами: «Божий одуванчик», – шутили мы, видя его. Но не это, конечно, обращало на себя внимание. Он, как и отец Иосиф, был тоже из минувшего мира «настоящих монахов». Спокойный, собранный, исполнительный, он шел на исповедь как на свое послушание. Из того, что доходило до нас от бывших у него на исповеди, можно заключить, что он трезво оценивал положение кающегося и не склонен был душевные переживания считать духовными. К таким духовникам никогда не собирались толпы почитателей, и нам можно было спокойно ждать своей очереди. Никто не рвался к «своему» батюшке. Кто-то из братии говорил знакомым: «Когда к нему в келию ни придешь, всегда он в епитрахили – молится. Откроет, скажешь нужное и надо уходить – мешаешь ведь молитве»…

[40] Серафим (Шинкарев; 4 1979), архимандрит. В 17-летнем возрасте он начал свой иноческий путь в Курской-Коренной пустыни. Отслужив в армии, пройдя войну и получив ранение, в 1922 поступил в Белгородский Свято-Троицкий монастырь, где вскоре принял постриг, на следующий год – сан иеродиакона, а через 7 лет – сан иеромонаха. В Лавру поступил в 1947, проходил послушания ризничего, эконома, благочинного, а затем – духовника.

Вечерний акафист

По воскресеньям вечерами монахи и народ собираются в древний собор Святой Троицы на акафист Преподобному. Как-то раз, помню, так хотелось остаться, а надо было к назначенному времени вернуться. Шла медленно мимо здания Духовной Академии, церкви Смоленской иконы Божией Матери, где обычно поменьше народу, побольше кустарников. Никаких конкретных мыслей в голове, просто хорошо на душе, тихо, мирно. Слава Богу за все! Неожиданно налетает бойкая девчушка, энергично и шумно на все реагирующая.

– Ты акафиста ждешь?

– Нет. Мне вечером надо дома быть.

– Да останься!

– Не могу…

– Ну уж…

Махнув рукой, убежала. Да, хорошо бы остаться, но надо ехать. Как часто из-за этого «надо» многое теряется. Но может быть, не только теряется?

В этот момент дрогнул колокол, поднимая стаи галок и грачей над колокольней. Люди заспешили в собор. Еще чуть-чуть постою, последние минутки… Пробую себя утешить мыслью о том, что, возможно, в воспитании покорности жизненным обстоятельствам есть и полезное. Теперь с духовным руководством трудно, и большинство вынуждено руководствоваться обстоятельствами. Только бы были они выражением воли Божией!

И тогда, стоя у Преподобного, хотелось вполне согласиться с молитвой его, молитвой всей Церкви: *«Да будет воля Твоя!»*. Конечно, не хочется спешить в этот мир, где так суетно, но *«да будет воля Твоя!»*. Конечно, суета будет спешить вытеснить все добрые воспоминания и впечатления, но *«да будет воля Твоя!»*. Конечно, опять будет тянуть в Лавру и когда-то еще удастся выбраться, но *«да будет воля Твоя!»*. Лишь бы Твоя, Господи, воля, благая и совершенная… Начался вечерний акафист.

Троицкий собор до реставрации, 1946 г.

Сибирские напевы

Как-то в летний праздник преподобного Сергия вышли мы после ранней литургии из храма с надеждой где-нибудь присесть. Стрелки двигались к восьми. Чернели скамейки, всюду мелькали белые платочки. Многим хотелось вытянуть уставшие ноги, ведь большинство из пришедших стояли всю ночь, слушая сначала молитвы перед исповедью (это уже после всенощной), слово священника с напоминанием грехов, потом ждали очереди к духовнику на исповедь. Очередь из-за многолюдства тянулась до рассвета. И вот небольшой перерыв между службами в самый день праздника. Разыскивая укромный свободный уголок, натолкнулись на небольшую группу богомолок, окруживших трех женщин. Они только что кончили что-то рассказывать и, помолчав, предложили: «Хотите, споем про Ноев ковчег?». Все охотно согласились. Старшая начала немудреные стихи, две другие подхватили. Напев необычный, нездешний. Это – сибирячки. Поют старательно, как люди о Боге забыли, как охладела любовь, как стали хуже скотины, как над Ноем смеялись, как погибли в холодных волнах. Стихли все, поняв сравнение, и, насторожившись предупреждением, стали молча расходиться.

Далеко Сибирь. Там и храмов мало. Выбраться оттуда, конечно, куда труднее. Надо этого очень хотеть и еще, конечно, надо жить желанием помнить Бога, как-то другим помогать в этом же. Потому они и пели, что очень хотелось полноты общего стремления от земли подняться хоть здесь, на земле, освященной молитвами Преподобного. Здесь побыть как в преддверии рая, здесь помолиться о всех, ведомых и неведомых, здесь раствориться, как капля в океане «народа Божиего». Очень это чувствовалось тогда.

Зеленый огонек

От тех давних лет остались в памяти отдельные штрихи. И говорить-то вроде бы не о чем, но вместе с тем эти штрихи вызывают к жизни давние ощущения, волнения, порой трепет, которые сливались в живое, радостное прикосновение к чуду, не проходящему с годами. И теперь, глядя на зеленый огонек лампады в щелевидном окне Троицкого собора, вспоминается время, когда была у нас крыша над головой в убогой хатенке давнишних наших знакомых. Бывало, волнуешься вечером, боясь проспать утром, опоздать на братский молебен. За ночь сколько раз проснешься, пока совсем не поднимешься в пятом часу. Зимой в это время совсем темно. Идешь не спеша. Хорошо в Лавре зимой! Да и всегда хорошо. Зимой морозный воздух гонит прочь усталость. Близость Лавры вливает в душу мир, покой, радость бытия. В братском корпусе зажигаются огни, просыпается жизнь. Нетронутый снег и большой холодный зам!ок сторожат тишину в соборе Святой Троицы. Только из алтаря зеленый лучик открывает дверь надежде на прощение и даже любовь. Божию любовь и любовь всей Небесной Церкви. Живой огонек! Он сейчас символ неусыпающего Божиего милосердия, недремлющей молитвы преподобного аввы Сергия! Говорить об этом вроде бы и не надо. Разве что вспомнить такие значительные слова: *«Да знаменается на нас **свет Лица Твоего**!»*[41].

[41] Из молитвы священника в конце 1-го часа.

Пасхальный благовест

Ночью на первой Пасхальной заутрени и литургии мы были в Успенском соборе. Там уж не задремлешь: холод такой, что бодрствовать придется… Мы греемся, как можем, в первой электричке. Это пройдет, а праздник – Пасха! – останется в душе. Позже придет желание отметить в богослужении все, что как-то тронуло, а в первые годы все сливается в единый мощный поток, уносящий в иной мир, для которого не находилось тогда слов.

В понедельник Светлой седмицы отсидела за партой положенные часы, а в голову настойчиво лезла мысль-желание сделать что-нибудь особенное, как-то еще отметить Пасху. А что если взять… и укатить в Лавру?! Конспекты и библиотека не убегут, а Пасха пройдет… Конечно, службы в это время нигде никакой… но зато звонить будут. Целый день звонили, с небольшими перерывами. Хорошо в Лавре звонят! Сказано – сделано. Мелькнули все 70 верст, и перед глазами снова Лавра. Звонят! Народу немного, основная масса разошлась, разъехалась. Звонят так торжественно, кажется, на весь мир, всюду слышно. Знаю, что не так, но хочется, чтобы всем было радостно. Молодые монахи поднимаются на колокольню. Обхожу Лавру, Академию. Детская радость, безотчетно яркая, добрая и внешне ничем себя не выражающая оттесняет все. Небо над головой чистое-чистое. Пришла мысль: небо, осветив землю, навсегда останется чистым, а вот земля, мир наш, вспомнит ли о силе, держащей мир? И чудится в перекличке колоколов: вспом-нит-ли, вспом-нит-ли, вспом-нит-ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.